

[Polaris]

А. Магог

ПОБЕДИТЕЛИ
ОКЕАНОВ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XL

Salamandra P.V.V.

А. Магог

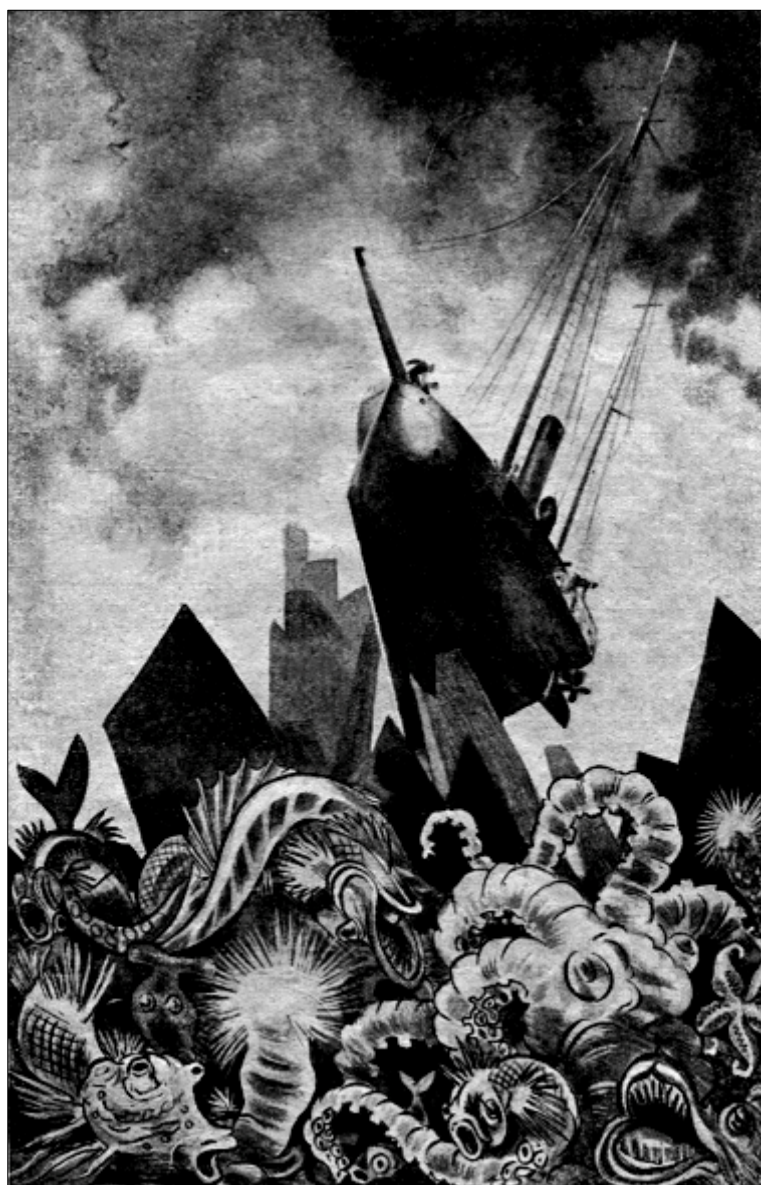
ПОБЕДИТЕЛИ ОКЕАНОВ

Salamandra P.V.V.

Магог А.-Ж.

Победители океанов. Пер. Толкачева. Илл. Н. Кочергина.
– Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 82 с., илл. – (Polaris:
Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XL).

В мире будущего Земля разделена на несколько гигантских республик, ведущих между собой торговые войны. Но в азиатской республике творится что-то неладное: огромные массы людей бесследно исчезают, густо населенный Китай превратился в пустыню. Пока человечество гадает о причинах этого бедствия, маньяк-ученый и обезумевшая Япония готовят миру глобальную катастрофу. О ней и рассказывает увлекательная книга французского фантаста и автора уголовных романов А. Магога, впервые увидевшая свет в 1920-х гг.

ПОБЕДИТЕЛИ ОКЕАНОВ

ПОБЕДИТЕЛИ ОКЕАНОВ

1. Два разговора.

— Я имею честь просить руки мадемуазель Сюзанны де Гландев, вашей дочери.

— Тысяча извинений, дорогой мой, но... моя дочь белая...

Эти слова слетели с губ важного сидящего дженгльмена и были адресованы маленькому желтому человеку, который встретил их с чисто японской невозмутимостью.

— Это из-за моего цвета? — спокойно спросил он.

— Прошу простить меня. Я хотел сказать, что моя дочь выйдет замуж только за европейца.

В узких глазках японца вспыхнуло пламя и сейчас же погасло.

— Вы мне отказываете? — сказал он несколько взволнованно. — Между тем я весьма неплохой кандидат.

— Вы были любезны самым ясным образом дать мне понять, что перед вами не устоять ни одному гражданину Сан-Франциско, будь он даже, как я, миллионер и француз. Но в таком вопросе я должен считаться только с мнением моей дочери.

— Так спросите ее.

— Я так и сделал. Она ответила... еще до вашего формального предложения. Вы, мосье Кацуга... с вами может быть брак только по расчету, а моя дочь питает отвращение к такого рода союзу.

— Хорошо, — сдержанно ответил японец. — В таком случае, я принужден отказаться...

— Это весьма благоразумно с вашей стороны, — иронически заметил француз.

— Отказаться от получения вашего согласия, — возразил Кацуга, — но вовсе не от надежды жениться на мадемуазель де Гландев. Буду действовать иным путем.

В голосе его прозвучали металлические нотки.

— Как вам угодно, — усмехнулся француз.

Кацуга вышел в вестибюль, где его поджидал гигантский слуга в ливрее.

— Могу я видеть мистера Джима Санди? — спросил японец.

Слуга подошел к телефонному аппарату.

— Я узнаю, сэр, — ответил он.

Через несколько секунд японец входил в кабинет Джима Санди, владельца одного из крупнейших состояний в Сан-Франциско, старика с пожелтевшей кожей, ввалившимися щеками и шапкой седых кудрей.

Между этим деловым человеком и японцем произошел лаконический обмен слов.

— Мистер Джим Санди?

— Иес.

— Доктор Кацуга.

— По какому делу?

— О женитьбе.

— Вздор! Не моя специальность.

— Дело идет о вашей внучке.

— Бесполезно. Всего хорошего.

— Виноват, я стою...

— ...ни цента вы не стоите, раз Сюзанна вас не любит.

— Вы можете убедить ее, если узнаете...

— Хорошо. Но быстро.

— Я не буду говорить вам о долларах. Я стою больше, чем вы могли бы реализовать при всем вашем богатстве и связях. И завтра же я буду самым видным человеком в Японии, если вам или мадемуазель Сю-

занне угодно, чтобы я имел титул. Для ваших дел я могу предложить свое мировое влияние. Я могу легко открыть для вашей торговли все японские рынки

— Все?

— Спросите у меня подробности, цифры.

— Нет! Всего хорошего.

— Вы не поняли меня. Я не обманываю вас. Все, что я сказал — не блеф, а правда. Я вам докажу это.

— Не волнуйтесь. Для меня это ровно ничего не значит. Я не продаю свою внучку.

Доктор Кацуга нетерпеливо пожал плечами. В глазах его блеснул злой огонек.

— Берегитесь! — проворчал он. — Сегодня, Джим Санди, вы потеряли ваш обычный деловой нюх. Я — сильный человек, и Япония тоже имеет право на место под солнцем.

Янки расхохотался,

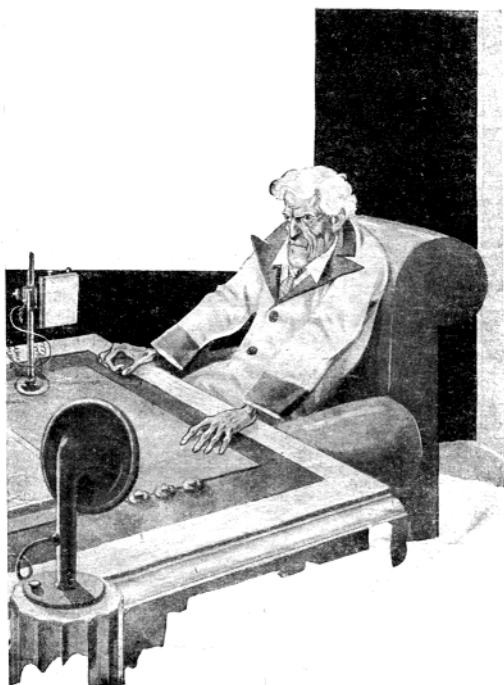
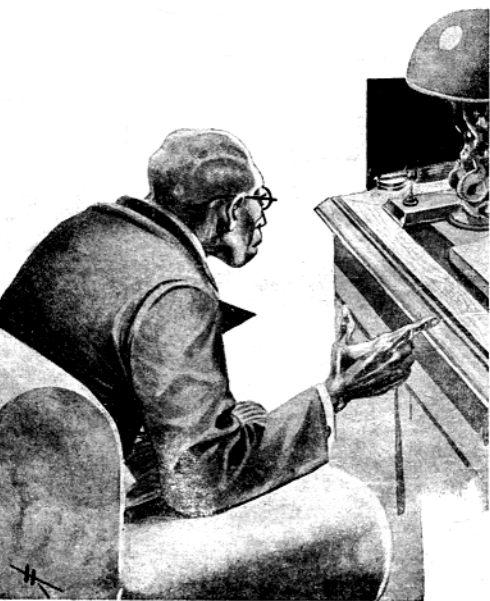
— Бросьте молоть вздор. Япония абсурдно мала...

— Это неверно. Она растет и ширится гораздо сильнее, чем вы полагаете; я знаю, что говорю. Вы мне отказываете. Почему? Дело вовсе не в моей расе. Мы живем в 1950 году, когда цивилизация формально уравнила в правах все расы.

— Совершенно верно: формально, — флегматически отозвался Санди.

Доктор Кацуга невольно встал в ораторскую позу.

— В переживаемое нами время, больше не существует сотен маленьких государств, которые три-четыре нации стараются опекать и эксплуатировать. Весь современный мир состоит из шести объединений: западно-европейской федерации, Соединенных Штатов обеих Америк и республик: африканской, океанийской и азиатской. Особняком стоит огромная Россия, продолжающая свой грандиозный социальный эксперимент и не претендующая ни на новые захваты, ни на

доминирующую роль в концерте держав. Такова политическая карта мира.

— Правильно.

— Азиатскую республику возглавляет Япония. Она подчинила себе ослабленный бесконечными гражданскими войнами Китай, маньчжуров, тибетцев, отпавшую от Англии Индию, тонкинцев, сиамцев. От границ Сибири до индокитайских болот, от бывшей Турции до Японского моря мы переделали и обновили всю громадную территорию. Огромный союз народов Азии могуч, и Япония — мозг этого колоссального организма.

Покачивая головой, Джим Санди слушал этот курс политической географии. Потом серьезно заметил:

— И в этом опасность. Мозг человека находится в голове, отделенной от тела шеей, и это обстоятельство позволит сравнительно легко уничтожить весь организм, отрубив голову. В древних республиках одни народы теснили другие, и всегда страдали меньшинства. Теперь эта борьба до некоторой степени ослабела; территории отдельных республик естественно разграничены, ослабела и внутренняя борьба, потеряв национальные фетиши. Правда, за счет этого выросла и страшно обострилась борьба классов, борьба социальных групп. Но вы, японцы, как были, так и остались хозяевами и палачами. Вы управляете со своего острова, как некогда Англия, и утверждаете свою тиранию в союзных областях. Там вы чувствуете себя, как дома; зато китайцы, турки и индусы, часто даже вне зависимости от их социального положения, не могут вступить на японскую землю иначе, как в роли рабов, и попав туда раз, больше не возвращаются. Поэтому они грозят вам, они мечтают об освобождении, об отделении. Наступит час, когда вы потеряете свою

власть над ними. И не в одном этом скрыта для вас опасность. Вы изолируете себя от всего мира.

— Ваш мир неблагодарен. В жертву ему мы открыли для международной торговли азиатские рынки.

— Да, но окончательно изолировали Японию.

— Только отчасти. Киу-Сиу, Сикок и Ниппон всегда открыты для посещения наших иностранных друзей.

— А Иезо, этот таинственный остров? Что там происходит? Почему ни один европеец, африканец, американец, океанец не может приблизиться к нему? Почему вы никого не допускаете туда, как и на северную часть Ниппона? К чему этот барьер крейсеров и торпедных судов, огораживающий Иезо от глаз соседей? Вы сами создаете атмосферу таинственности. Но вашу тайну разгадают. Разве вам не известны слухи, касающиеся ваших таинственных приготовлений?

Кацуга улыбнулся.

— Пусть вас не обманывают никакие слухи, — ответил он. — Скажу вам одно: вскоре Япония докажет свою силу, и вы сами, побежденные грандиозностью ее замыслов, начнете ее уважать.

Но янки уже перестала волновать эта тема, и он снова стал флегматичен и сух.

— Бесполезно! — оборвал он собеседника. — Я и так сказал слишком много. К чему все это? У нас свои дела, у вас свои. Я думаю о своих, делах и только о своих.

— Это ваше последнее слово?

— Последнее.

— Тогда я устрою все помимо вас.

— Нет.

— Да!

2. Чрезвычайный посол.

Республика «Восходящего Солнца» переживала критический период. Ей угрожала мощная коалиция других республик. Кризис назрел лишь теперь, но причины его стали намечаться еще пятнадцать-двадцать лет тому назад.

Несмотря на то, что образовались гигантские этнографические группировки, упростившие карту мира и превратившие весь мир в подобие парка, открытого для всех, имеющих деньги, Япония снова нагромождала опрокинутые было барьеры. Она ревниво охраняла недоступность своей семерки островов. Особенно Иезо, запретный для иностранцев, стал загадкой, пугавшей весь мир. Что там таилось? Руководители остальных республик мира немедленно предположили, что там куется сила, направленная против соседей.

В первое время над этой гипотезой много смеялись. В самом деле, достаточно было гигантской Америке шевельнуть пальцем, чтобы стереть Японию с лица земли.

И все же, хотя никто серьезно и не верил в опасность, неудовлетворенное любопытство восстановило общественное мнение против Японии. Всем хотелось знать, каково же было истинное положение вещей.

А тайн было много, и не проходило года, чтобы мировая пресса не ставила новых огромных вопросительных знаков по основным вопросам, связанным с азиатскими странами.

Самым непонятным, даже пожалуй, грозным, было невероятное обезлюдение Китая. Этот гигантский

человеческий резервуар, с переполнением которого не могли справиться ни голод, ни эпидемии, ни опустошительные гражданские войны, теперь опустел.

Всемирная перепись сороковых годов поразила всех, как громом: слишком неожиданны оказались ее результаты. Население азиатских стран оказалось в десять раз меньше предполагаемого.

Потом появились письменные и устные донесения очевидцев. Путешественники рассказывали о невероятном обезлюдении монгольских равнин и тибетских гор. Кипевшие жизнью города южных провинций Китая теперь казались опустевшими, и год за годом это вымирание гигантского народа становилось все более очевидным.

Странные вещи рассказывали путешественники о причинах этого сокращения народонаселения. Из месяца в месяц толпы, армии эмигрантов, вербуемые или сгоняемые японской полицией, исчезали из городов и селений, чтобы никогда не вернуться обратно. Путешественники не решались определять в каких-либо цифрах эту убыль населения.

Что же делала Япония со всеми этими людьми?

Одновременно, японское правительство заключало займы на совершенно фантастические суммы, обложило торговлю невероятными пошлинами, давило население налогами. Миллиарды стекались в государственное казначейство Японии, но по-прежнему ее банки были пусты: все народы земли так или иначе оказались ее кредиторами, и теперь, исчерпав кредит, она уничтожала своих вассалов и даже собственный пролетариат.

Все это могло бы объясняться огромным индустриальным ростом, тем более, что Япония производила гигантские закупки сырья. Но никаких следов этого роста не замечалось ни на большом острове Нип-

пон, ни на маленьких Киу-Сиу и Сикок, и вообще ни на одном из трех тысяч восьмисот островов республики.

Оставался только таинственный Иезо. Но могла ли его небольшая территория вместить подобные чудовищные запасы?

Военно-морские силы Японии, сконцентрированные вокруг Иезо, и часу не продержались бы перед соединенным флотом соседей. Державы прекрасно это понимали. Их терпенье истощалось.

Надвигался призрак войны; официальным поводом к ней явилось странное обезлюдение Азии, колебавшее мировую торговлю, а тайной причиной — легкая возможность захвата территории слабой, больной азиатской республики, расчленение и раздел Азии.

В то время, когда доктор Кацуга добивался руки Сюзанны де Гландев, весь мир ожидал разрыва, и носились упорные слухи, что Америка берет в этом деле инициативу на себя и посылает ультиматум Токио.

Через несколько дней после разговора с Джимом Санди, маленький японец прибыл в Панаму и появился во дворце президента, где заседал Совет трестов.

Америка, кичившаяся своей «чистой демократией», на самом деле управлялась королями, — королями всех видов промышленности.

Под председательством миллиардера Т. А. Эпстерса Совет трестов управлял страной, ставя в зависимость от своих личных дел судьбу обеих Америк.

Какое заклинание произнес Кацуга, чтобы пленум Совета принял его? Неизвестно. Но двери дворца президента раскрылись перед ним, и он предстал перед Советом трестов.

— Чрезвычайный посол? — сухо произнес Т. А. Эпстерс.

— Совершенно верно. Я приношу вербальный ответ на ваш ультиматум.

— Мы предпочли бы ответ в письменной форме, — грубо возразил председатель.

— Предварительно нужно сговориться; подписать успеем всегда, — спокойно ответил японец. — Мне необходимо дать вам кое-какие объяснения. И, если мои комментарии окажутся интересными, я предложу вашему вниманию договор, который лежит у меня в кармане.

Американцы широко раскрыли глаза. Что это... издевательство, насмешка или дипломатия дурного тона?

— До-го-вор? — задохнулся Т. А. Эпстерс.

Кацуга улыбнулся кончиками губ.

— Господа, — ответил он, — мне известны условия вашего ультиматума, и я знаю, что в нем и речи не было о каких-либо переговорах; он содержал простое и ясное требование о безусловной сдаче на вашу милость. И тем не менее я явился сделать вам деловые предложения, более значительные, чем требуемая сдача.

— Предложения? Какие еще предложения?

— Союза, — просто ответил японец тем же спокойным тоном. — Или, если вы предпочитаете — сотрудничество.

Слова чрезвычайного посла японской республики повергли американцев в жестокое недоумение. Но практическая сметка не позволила негодованию вырваться наружу. Один из трестовиков флегматично спросил:

— Какие же могут быть реальные выгоды от такого сотрудничества?

Доктор Кацуга.

Кацуга подавил вздох облегчения и, уже свободнее, продолжал:

— Вы их оцените сами. Но сначала я хочу получить ваше согласие на сделку. Представляя Японию, я в то же время выступаю, как комиссионер, и желаю получить куртаж с будущей сделки.

— Хорошо. Посмотрим, что вы нам предлагаете.

— Тайну Японии.

Раздался взрыв смеха. Члены Совета сочли слова японца за шутку.

— Бесполезно покупать, раз можно взять силой, — ответил председатель.

Кацуга покачал головой.

— Нет, господа, взять вы не сможете, — возразил он. — Вы сможете только разрушить ее. Вот что мне поручено передать вам. Слушайте.

3. Заложники.

В тот же вечер Совет трестов передал печати лаконическое сообщение.

«Сегодня правительство получило ответ Японии на ультиматум Американских Соединенных Штатов. После его рассмотрения, между обоими государствами был заключен наступательно-оборонительный союз и подписан формальный договор. Он обязывает американскую республику к вооруженному вмешательству в случае, если третья держава будет угрожать безопасности азиатской республики».

Соглашение с Японией вызвало общее удивление и негодование. Массы открыто возмущались самовластием Совета трестов. Возбуждение росло с часу на час.

Для одной американской семьи правительством был приготовлен сенсационный эффект: Джиму Санди пришлось узнать, что один из пунктов знаменитого договора касался не только его, но и его семейства.

На следующий день после опубликования сообщения о договоре в кабинете Джима Санди зазвенел телефонный звонок.

— Алло? — сказал он, взяв телефонную трубку.

— Алло. Мистер Санди?

— Он самый. Кто говорит?

— Председатель Совета трестов.

Старик был, по-своему, демократ, и то обстоятельство, что фактический глава государства пожелал иметь с ним личную беседу, не удивило и не польстило ему.

— Слушаю, — просто ответил он.

— Совет дает вам поручение.

— Какое?

— Нам необходимо направить в Токио специального посла. Хотите вы быть этим послом? Америка взывает к вашему патриотизму.

Старый янки не выразил никакого удивления.

— Так. Сколько продлится моя командировка?

— Неопределенное время. Нужно будет оставаться, пока вас не отзовут.

— Хорошо.

— Вы должны выехать завтра.

— Выеду.

— Вместе с семейством, то есть, с вашей женой, дочерью, зятем и внучкой.

— Невозможно! Поеду один.

— Совет дает вам точное распоряжение. В договоре значится, что наш посол переедет в Токио со своей семьей. Это цена соглашения.

Несколько секунд Джим Санди обдумывал эти слова. На лбу его выступили капли пота, глаза горели.

— Должен ли я понимать, что Америка обязалась дать заложников?—крикнул он в трубку.

— Это категорическое требование нашего союзника, — ответил глухой голос.

— Заложники Японии! — воскликнул Джим Санди в негодовании. — Никогда этого не потерпит Америка.

— Америка не будет знать.

— Я объявлю всем, и взрыв негодования неминуем. Ищите других исполнителей! Я не ваш служащий

— Совет дает вам точный приказ. Вы поедете?

— Нет.

— Как пленник, в таком случае.

— Значит, Америка перестала быть страной свободных людей?

— А вы этого не знали? Впрочем, никто никого не принуждает... гм... но порой интересы страны требуют жертв. Позже вы все поймете, мистер Санди. Добрый вечер!

— Добрый вечер!

На следующее утро миллионер с семьей были силой посажены на военное судно, отплывающее в Японию.

4. Две встречи.

С той минуты, как милиция доставила Джима Санди на крейсер «Американ Стар», он ни в малейшей степени не испытывал ощущения плена. Ему и его семье были предоставлены лучшие каюты крейсера, они могли передвигаться по всему кораблю.

Но приказ Совета трестов выполнялся. Джим Санди не мог высадиться в каком-либо порту.

Сюзанна проводила время довольно весело. Она получила разрешение на пользование радио и послала своему жениху, Жану д'Антрево, радиограмму в Константинополь, где он в то время находился.

Через два дня показался остров Ява, крейсер вошел в пролив Урага, и пройдя в виду Токио, бросил якорь в порту Иокогама.

Важный японский чиновник, окруженный группой других, рассыпался в приветствиях.

Но грубоватый, прямой янки резко прервал японца.

— Где находится наша тюрьма?

— Дворец в Токио совершенно готов к вашему приему. Мы умоляем вас принять этот почтительный акт гостеприимства...

— Что же, поедем... пока что... подумаю, что следует делать дальше.

Специальный поезд быстро пролетел расстояние от Иокогамы до Токио, и через несколько часов, избавившись, наконец, от назойливого эскорта, американцы очутились в комфортабельном помещении на бульваре Гинца.

Прислуга, предоставленная для обслуживания семьи, состояла из шести японцев, одетых в европейское платье. Кроме мужчин, были две японки с загадочными улыбками на лице.

С первых же шагов Джим Санди и его зять заметили, что за ними неуклонно следовали двое слуг; то же пристальное наблюдение велось и за тремя женщинами.

Вскоре после приезда произошел один знаменательный инцидент. Однажды Джим Санди вместе с зятем прогуливались по улицам Токио. Они шли молча, каждый погруженный в свои невеселые мысли. Внезапно перед ними появилась маленькая фигурка японца в модном европейском костюме. Это был доктор Кацуга.

— Чрезвычайно рад встретить вас, господа, в Японии и принести вам уверения в моей совершенной преданности.

В сверхвежливом обращении слышалась сдержанная насмешка.

Джим Санди угрожающе сдвинул брови, а француз крепче стиснул свою трость.

— Осмелюсь спросить, мистер Санди, не изменилось ли ваше мнение о Японии со времени нашего последнего свидания?— продолжал Кацуга.

— Нет, сударь, — возразил холодно янки.

— И все же ваша родина не сочла для себя унижением вступить с нами в союз. Это добрый признак. Мое отечество сильно, раз вы здесь.

— Ваше отечество, может быть, — спокойно отвечал старик, — но не вы, сударь.

— Я тоже обладаю могуществом, — улыбнулся японец.

— Что это значит?

— Это значит, что моя воля, — или мое желание, — в данном случае это одно и то же, — доставили мне удовольствие видеть вас здесь. Вы можете этому верить, мистер Санди; чтобы Америка вас назначила, а Япония приняла, нужно было вмешательство человека, которому ни в чем не могут отказать.

Глаза американца сверкнули.

— Так значит,— произнес он, — это вам мы обязаны..

— Своим приездом в Японию. Совершенно верно! Я хотел иметь вас под рукой, главным образом, мисс Сюзанну...

Рассвирепевшие американцы кинулись на Кацугу, но он ловко увернулся и бросился бежать. Де Гландев бросился в погоню. Завернув за угол, он неожиданно столкнулся с двумя европейцами. К счастью, его встретил не удар кулака, а веселый звонкий голос:

— Что я вижу? Мосье де Гландев в Токио?!

— Жан д'Антрево! — воскликнул француз, бросаясь в объятия молодому человеку. — Как я рад, что вы здесь... Но мне надо догнать этого негодяя...

— Умоляю вас, не волнуйтесь. Если вам нужен этот японец, мой слуга его сейчас достанет.

И Жан д'Антрево обратился к своему спутнику, меланхоличному верзиле.

— Слышал, Гайеду? Беги и тащи сюда.

Тот печально покачал головой:

— Попробую, но мосье знает, что мне дьявольски не везет.

Потом он открыл чудовищный циркуль ног и помчался с такой быстротой, что спасение Кацуги стало весьма сомнительным.

— Мой Гайеду неврастеник, — объяснил молодой человек. — Он уверен, что его преследует неудача. Но

славный парень, преданный и храбрый. Однако, скажите, что вам сделал этот японец?

— Этот дурак? Он просил у меня руки Сюзанны, я отказал, а он пригрозил, что женится на ней помимо моей воли.

— Ого-го! — засмеялся Жан. — Знай я это раньше, я не отправил бы Гайеду, а побежал бы сам.

— И это, пожалуй, было бы лучше. Наш охотник возвращается без дичи с печальной физиономией.

Действительно, долговязый слуга молодого атташе возвращался, испуская печальные вздохи.

— Я же вам говорил, — жалобно сказал он, — этот японец исчез...

В это время подошел Джим Санди, радостно приветствуя молодого человека.

— Мне пришла в голову одна мысль. Раз жених Сюзанны здесь, отпразднуем их свадьбу! — воскликнул он.

— Браво! — вскричал Жан д'Антрево. — Замечательная идея!

— Что ж, пожалуй, — нерешительно сказал де Гландев. — Только никому ни слова. Этот японец... знаете, может... Однако, пойдемте пока повидать вашу невесту. И пожалуйста, оставьте у нас вашего слугу, а то вокруг нас одни японцы, и мы им не доверяем.

— Гайеду, слышишь? С этого момента ты состоишь на службе у мосье де Гландева.

5. Необыкновенное похищение.

День свадьбы Сюзанны приближался, а доктор Кацуга не подавал никаких признаков жизни. Кацуга бросил вызов. Джим Санди принял его: он выдаст внучку замуж под носом японца и отпразднует победу.

На этот праздник он пригласил весь состав американской, европейской, африканской, русской и австралийской колоний.

Довольный старик, улыбающийся де Гландев и сияющая невеста принимали гостей так сердечно, что сразу отпала церемонность и чопорность обычных посольских приемов.

Вечер обещал быть интересным, так как были приглашены лучшие артисты национальной труппы Токио.

Быть может, пресыщенные зрители и не находили особого удовольствия в японской музыке и танцах маленьких гейш, но все заинтересовались, когда появилась труппа фокусников.

Фокусники были, действительно, замечательные. Все их фокусы проделывались с необыкновенной чистотой, и были новы и оригинальны.

Проделав ряд совершенно необъяснимых фокусов, японцы вынесли старинным паланкин. В него вошел один из фокусников и наглухо задернул занавески со всех сторон, чтобы не было видно, что делается внутри. Настала мертвая тишина.

Вдруг послышался голос японца, сидевшего в паланкине. Он отдал приказ, и четверо его помощников, подняв паланкин, пронесли его перед зрителя-

ми, а сидящий внутри в это время нараспев скандировал старинные стихи.

Снова короткий сигнал и носильщики остановились.

Японцы просунули руки под занавес и объявили, что сейчас будут вынимать своего товарища... по частям. Затем они стали входить в паланкин и выходить из него, вынося пакеты, которые бросали вверх. Пакеты исчезали на глазах у всех, точно расплывались в воздухе.

Человек, сидевший в паланкине, безостановочно пел, но его голос все слабел и слабел по мере того, как пакеты расплывались в воздухе.

На момент фокусники прервали свое занятие и, приподняв паланкин, показали, что вес его значительно уменьшился. Потом опять возобновилась выноска пакетов, пока голос совсем не замер.

Тогда глава труппы распахнул занавески паланкина, и изумленные зрители увидели, что внутри совершенно пусто.

Человек исчез.

Зрители с шумом повскакали с мест, чтобы осмотреть паланкин, но им пришлось сознаться, что объяснить исчезновение японца невозможно, — само строение легкого паланкина не допускало мысли о каком-либо тайнике.

Тогда глава труппы объявил, что он вернет исчезнувшего товарища.

Теперь японцы складывали в паланкин пакеты, которые, казалось, хватали прямо из воздуха. Через минуту из паланкина послышался слабый голос, который усиливался по мере того, как паланкин становился все тяжелее.

После нового шествия с паланкином мимо зрителей, занавески распахнулись, и из паланкина под гром аплодисментов вышел исчезнувший японец.

Когда стихли аплодисменты, зрители единодушно потребовали объяснения фокуса.

— Джентльмены, — сказал глава труппы, — если у одного из вас хватит смелости войти в этот паланкин и подвергнуться опыту, я заставлю его исчезнуть, как моего помощника, и уверяю, что никто не сможет разгадать тайну исчезновения.

Взгляд его пробежал по ряду зрителей и остановился на Жане д'Антрево. Тот поднялся, принимая вызов.

Со скептической улыбкой он вошел в паланкин, весело кивнул зрителям и дал закрыть себя занавесками со всех сторон.

Несколько минут прошло в тишине.

Наконец Сюзанна сказала:

— Жан, пойте, а то мы подумаем, что духи уже унесли вас.

— Еще не унесли! — раздался из-за занавесок голос молодого человека.

Фокусник улыбнулся и дал знак. Японцы подняли паланкин и начали свое шествие.

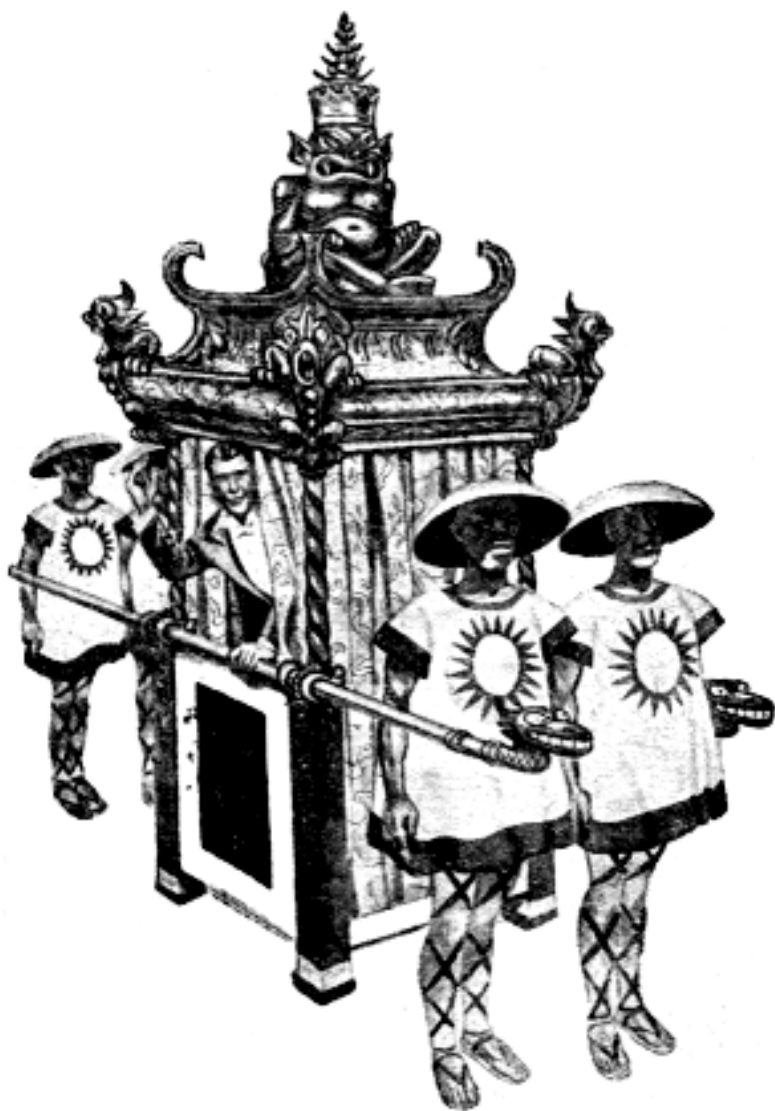
Не имея возможности приспособиться к ритму японских напевов, Жан стал разговаривать со зрителями.

Фокусники остановились и начали выбрасывать таинственные пакеты.

Жан весело комментировал:

— Вот мои руки исчезают. Ноги. Уничтожение начинается. Видите, от меня уже остаются клочки.

Но голос его слабел, и зрители начали поддаваться обаянию фокуса.

...он весело кивнул зрителям...

Несколько человек по приглашению фокусника проверили вес паланкина и подтвердили, что он стал легче.

— Ого, Жан д'Антрево! — закричали они. — Вы еще здесь?

— Здесь, конечно, — раздался очень слабый голос Жана.

— Но вас почти не слышно.

— Пустяки. Какой-нибудь акустический трюк.

Но голос его перешел в шепот. Неожиданно прекратился и шепот, и Жан перестал отвечать на вопросы.

Носильщики опустили паланкин и по знаку главы труппы вышли.

— Проверьте, — сказал фокусник. — Испытуемый исчез.

Сюзанна быстро отдернула занавески, и группа любопытных окружила паланкин. Он был пуст.

Несколько минут салон гудел от веселых криков. Все поднялись с мест, чтобы удостовериться своими глазами в загадочном исчезновении.

— Прекрасно! — воскликнула Сюзанна. — Жан сам объяснит нам, в чем дело.

Зрители уселись на места, сгорая от любопытства.

— Теперь, — предложил де Гландев, — перейдем ко второй части опыта...

Он замолк и удивленно оглядел всех.

— Гм, — сказал он, — а куда девались наши фокусники?

Японцы исчезли.

6. Бегство.

Все розыски Жана д'Антрево оказались безрезультатными. Ни официальные агенты, ни частные сыщики не нашли ни малейших следов пропавшего. Единственным результатом поисков было то, что под домом был обнаружен погреб с выходом на улицу и там была найдена визитная карточка.

Д-р Кацуга.

Через две недели после исчезновения Жана д'Антрево всякая надежда на его возвращение пропала. Оставалось одно — бежать. И Джим Санди, не жалея денег, принялся за организацию бегства. Приготовления двигались медленно, приходилось соблюдать осторожность. В самый разгар подготовки исчез Гайеду, оставив лаконичную записку: «Иду к мосье Жану». Наконец, все было готово. Обманув бдительность слуг, американцы ночью вышли из дома, в автомобиле добрались до берега и сели на заранее приготовленную яхту.

Отплытие прошло благополучно. Никто еще не догадывался о их бегстве.

Однако, тревога могла подняться в любую минуту. С биноклями в руках Джим и де Гландев не переставали вопрошать горизонт, ожидая с минуты на мину-

ту увидеть грозные силуэты военных судов, посланных за ними в погоню.

Они ясно отдавали себе отчет, что в случае появления военного судна, они пропали.

Единственно, что могли они предпринять, это — удирать на всех парах прямо в открытое море. Вдали от берега, в открытом просторе огромного океана они имели шанс затеряться, избегнуть бдительного ока преследователей.

Когда от берега осталась только узенькая полоска песка на горизонте, еле заметная в предрассветных сумерках, из-за нее неожиданно поднялись бледные облачка, сквозь которые прорывались языки пламени, рассыпавшиеся огненным дождем и столбами темного дыма. Через несколько минут весь горизонт превратился в цепь кратеров, извергающих широкие потоки огня.

Страшный пожар пожирал остров Ниппон. Зрелище было в одно и то же время и грандиозно и ужасно.

— Что там происходит? — воскликнул старый янки.

— Землетрясение и сопутствующее ему вулканическое извержение, — ответил де Гландев. — В Японии это совсем не такая редкость, но чудовищные размеры катастрофы удивляют меня.

— Да, мне кажется, что подобного извержения еще не бывало так же, как и такого невероятного отлива, — заметил капитан. — Посмотрите, на какое небывалое расстояние отступило море. Мало того, этот отлив продолжается. Наша яхта мчится по волнам, подгоняемая сильнейшим течением.

— Верно, — ответил де Гландев, всматриваясь в высокие гребни волн, бегущих правильными рядами параллельно движению корабля.

— Я остановил машины, — сообщил капитан, — и мы движемся с такой скоростью одной лишь силой течения.

— Это поразительное явление, — задумчиво произнес Джим Санди. — Может быть, мы попали в Куро-Сиво?

— Нет, нет, — уверенно произнес капитан. — Несущее нас течение не отмечено ни на одной карте.

— Но чему же тогда приписать его существование?

— Я предполагаю, что в каком-то пункте Тихого океана, примерно близ американских берегов, в настоящее время происходит прилив невероятной силы. Только этим одним и можно объяснить тот небывалый отлив у берегов Японии, который мы наблюдаем.

— Предположим. Но причины?

— Кто же может это сказать?.. Подводная буря, вулканическое извержение на дне океана, связанное с тем же сейсмическим феноменом, который в настоящую минуту разрушает остров Ниппон. Все возможно. Позже все выяснится.

— Ну, а пока насколько нам на руку эти феномены и течения?

— Для нас это прекрасно. При подобных обстоятельствах нас не догонит быстреейший корабль.

— Великолепно! — воскликнул Джим Санди. — Больше нам ничего не надо.

— Значит, мы спасены? — живо спросил де Гландев.

— Похоже на то, — ответил капитан, — но боюсь, что мы попали из огня да в полымя.

Катаклизм разрастался.

Гладь океана уже не была невозмутима, как прежде. Воздух потерял прозрачность, какая-то мутная дымка заволокла водные просторы. Океан не переходил постепенно в небесную лазурь. Точно две стены воды

вдруг поднялись из океана. Казалось, что корабль скользил в сильно вогнутой чашке, наполненной водой.

Весь день путешественники с изумлением наблюдали непонятный феномен. Наконец, ночь спустилась над океаном, скрыв странное зрелище.

Сон одолел измученных пассажиров.

Утром тревога снова овладела ими.

Стало ясно, что со дна океана справа и слева поднималась новая почва. И это поднятие почвы заключало яхту в коридор в несколько километров шириною.

Проносясь с быстротою поезда и случайно попав в поток, отводивший яхту от центра чаши, путешественники смогли подробнее рассмотреть странный феномен.

Стены чаши вовсе не стояли перпендикулярно, а образовали постепенный уклон, издали казавшийся сплошной стеной: они скользили под очень тупым углом, постепенно понижаясь и переходя в воронку.

Весь день опять прошел в наблюдении феномена. Увлекаемая боковым течением, яхта с бешеной быстротой неслась по коридору, постепенно удаляясь от воронки.

На следующий день вид океана изменился.

До сих пор путешественники думали, что на дне океана происходит извержение вулкана и две стены воды есть результат напора выделяющихся газов.

Теперь они увидели, что плывут в относительно тихом потоке, огибающем огромную скалу, вынырнувшую за ночь из недр океана.

Потом течение совсем прекратилось и за горой показалась целая цепь бесформенных вершин, переходя

дившая дальше в бесконечную сохнущую равнину, поднятую со дна океана неведомым катаклизмом.

— Да ведь это настоящие материки поднялись из недр океана, — тихо сказал капитан.

Никто не ответил. Все молчали, не понимая, что происходит вокруг них.

— Мы куда-то ушли из океана, — пробормотал де Гландев. — Посмотрите, разве это не похоже на большую реку, текущую в высоких берегах?

— Что происходит за этими горами? — произнес старый янки. — Что стало со всем миром? Подумать только, что произошло, если громады вод, покинувшие ложе Тихого океана, кинулись на сушу. Они могут затопить всю Азию и Америку. Найдём ли мы ещё какой-нибудь берег, кроме этого?

Теперь их уже не заботило собственное положение. На карте стояла судьба всей земли.

В следующие дни поток все сужался и сужался, а горы росли все выше и выше. Из воды поднимались новые континенты. Яхта точно плавала на дне большой чашки, из которой постепенно испарялась вода.

Все выше и выше приходилось им поднимать головы, чтобы видеть небо. Чашка превращалась в подобие колодца. Теперь уже никто не следил за скоростью течения.

Неожиданно раздался крик капитана:

— Посмотрите, вот жертвы катаклизма...

Путешественники кинулись к борту яхты и увидели множество китов и кашалотов, обессиленных борьбой с течением. Процессия трупов плыла бесконечной вереницей, опережая яхту.

Вода кишела невиданными обитателями морского дна, странные существа извивались, испуская фосфорический свет.

— Фауна глубоких вод, — рассеянно констатировал моряк.

Де Гландев хмуро посмотрел на темные очертания гор.

— В таком случае, — произнес он дрожащим голосом, — это не отлив, а...

— Осушение океана, — невозмутимо добавил старый Джим.

— Нет, — воскликнул капитан, — этого не может быть. Невозможно!

А уровень воды все понижался. Теперь уже отчетливо было видно дно.

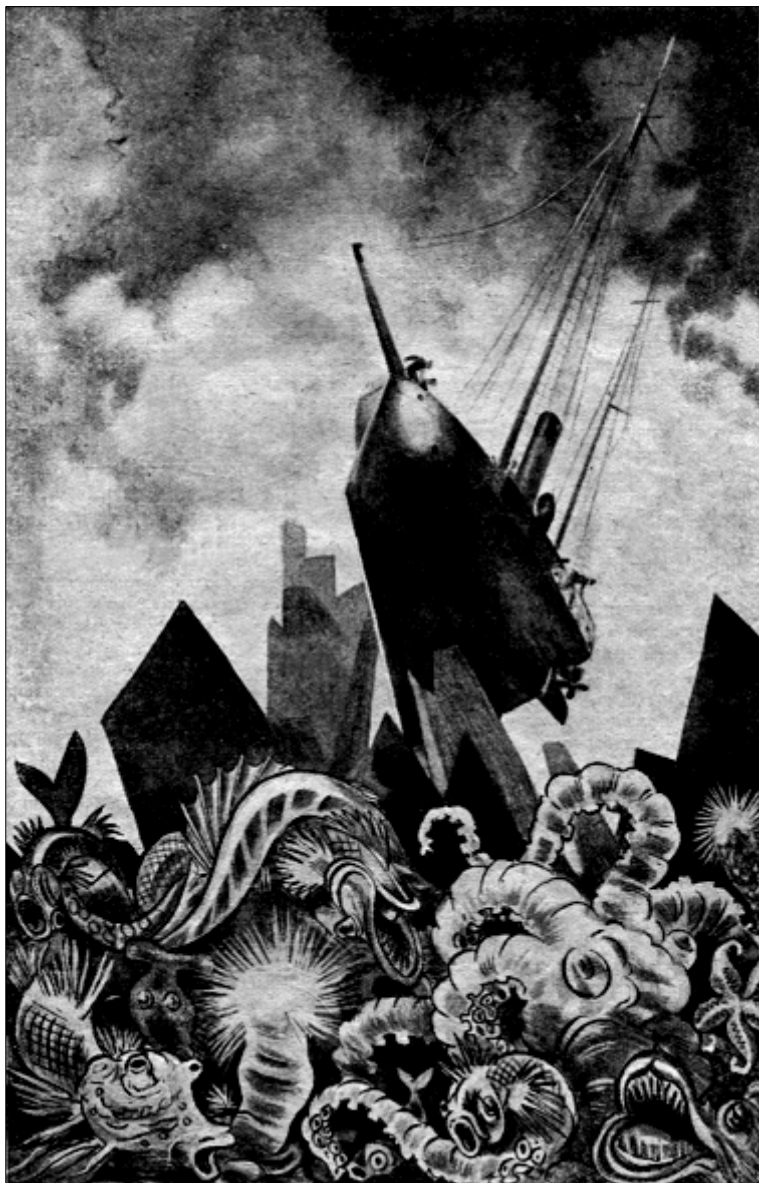
Тут и там подыхали морские гиганты, выброшенные течением, справиться с которым у них не хватало сил.

Вдруг раздался страшный треск, и пассажиры повалились друг на друга.

Когда они поднялись на ноги, то увидели, что яхта неподвижно лежит на боку, а впереди убегает вода, оставляя яхту на суше в образовавшейся долине.

Вода ушла совсем, обнажив илистую почву, покрытую умирающими рыбами.

Океан высох.

Океан высох...

7. В плену.

Когда Жан д'Антрево вошел в паланкин фокусника, он и не подозревал, что для него начинается серия разнообразных приключений.

Внутренность паланкина имела самый мирный вид. Во всяком случае, ничего необычайного Жан не заметил.

Машинально опустил он на потертое плюшевое сиденье. Насмешливая улыбка еще кривила его губы.

Внезапно сиденье под ним перевернулось, и на голову ему упала тяжелая материя. Это произошло в одно мгновение. Какая-то рука схватила его за горло, а другая приставила к груди острое кинжала.

В следующую минуту он почувствовал, что куда-то падает, затем его заставили сделать несколько шагов.

Чьи-то руки грубо сорвали у него с головы мешок, и он увидел около себя трех японцев. Двое держали его за руки, парализуя всякое сопротивление, третий прошипел;

— Не кричать... — в руке у него тускло блеснул кинжал.

Все, что произошло потом, Жан помнил очень смутно. На него надели что-то вроде японского кимоно, страшно стеснившего его движения. Затем один из японцев закрыл его лицо маской, удивительно похожей на лицо японца, другой надел ему черный парик и прикрепил его к маске.

Когда переодевание было закончено, Жана подвели к окну, за которым тоже оказались японцы. Они вытащили его наружу и немедленно усадили в автомобиль, тихонько пыхтевший у тротуара.

Два японца держали его за руки.

Маска закрылась наглухо, пропуская лишь немного воздуха, и кимоно крепко сжало его локти, совершенно лишив способности двигаться. С Жаном село четверо японцев, вылезших из подвала, и через минуту автомобиль уже неся через лабиринт токийских улиц.

У подъезда вокзала автомобиль остановился. Четверо японцев, тесно окружив пленника и делая вид, что заботливо ведут тяжелобольного, повлекли Жана на перрон.

Здесь его со всеми предосторожностями внесли в купе первого класса.

Через несколько минут поезд тронулся.

Японцы сидели молча, и Жан мог спокойно обдумать свое положение. Он ничего не понимал, но чувствовал, что творится что-то странное.

Его похитили, это ясно. Но зачем?

Поезд мчался, наступала ночь, разгадки не было и, наконец, он заснул со всей беззаботностью молодости.

Пробуждение было неприятным.

Было утро, и поезд подходил к какой-то станции. Японцы, гримасничая, заставили Жана подняться.

Через десять минут автомобиль привез их в незнакомый Жану порт. Вся группа села на военный корабль, который немедленно вышел в море.

Через несколько часов на горизонте показался берег.

— Остров Иезо! — объявил один из японцев.

Жан вздрогнул.

Его везут на таинственный остров, куда, вот уже двадцать лет, не попадал ни один европеец. Откуда такое доверие?

Сойдя вместе с японцами на берег, Жан попал в страну фабрик, непрерывно коптивших небо тысячью труб.

— Это напоминает оружейный завод Крезо, — разочарованно подумал он, — или горный округ на севере Франции.

Его повезли к группе строений, напоминавших типичные постройки над спусками в колодцы шахт, только грандиозных размеров.

Жана втокнули в один из них.

— То, что вы увидите, — улыбаясь, сказал ему один из спутников, — не видел еще ни один человек белой расы. Откройте глаза. Страна, которая смогла осуществить такое великое начинание, имеет право на первое место в мире. Сейчас вы в этом убедитесь.

8. Подземное царство.

Электрический подъемник с огромной быстротой спускался в шахту.

Этот бешеный спуск продолжался около двадцати минут, и Жан приходил в ужас, догадываясь, на какой громадной глубине они теперь находятся.

Выйдя из лифта, молодой дипломат очутился в огромной сводчатой пещере, освещенной, как днем. В ней толпились военные части. Каждый лифт охранялся японским вооруженным отрядом, как и входы в коридоры грандиозной ширины, полого уходявшие вниз.

В пещере царило оживление и деловая суматоха. Свистки локомотивов, шум моторов, заглушенные звуки взрывов, удары молотов создавали впечатление не то вокзала, не то громадной фабрики.

Жан д'Антрево не смог сдержать восхищения.

Настоящие поезда, пассажирские и товарные, появлялись из недр земли и останавливались на площади у платформ.

Большую частью поезда были товарные, и их длинные платформы были нагружены горами земли и горных пород, обломками скал и камнями.

Гигантские краны брали платформу за платформой и опрокидывали в огромные ящики грузовых подъемников, непрерывно снующих вверх и вниз по широкой шахте.

Людской муравейник суетился и сновал по огромной площади.

В пещере были только одни азиаты. Но японцы, все до одного вооруженные, играли роль стражи, тог-

да как измученные рабочие состояли из представителей всех народов Азии.

Один из японцев, привезших Жана, хлопнул его по плечу:

— Удивляетесь? — спросил он иронически.

— Восхищаюсь, — ответил молодой человек. — Я не знаю, для чего ведется эта колоссальная работа, но я поражаюсь ее гигантскому размаху.

— Это еще что, — загадочно сказал японец. — Это — только преддверие того мира, куда мы отправляемся.

С помощью других спутников, он освободил молодого человека от маски и кимоно.

— Отсюда бежать невозможно, — холодно улыбнулся он. — Поэтому я возвращаю вам свободу движений.

— Мы сядем в поезд, — сказал он через минуту, направляясь к открытому вагону, прицепленному к хвосту длинного поезда с пустыми платформами.

Поезд тронулся и вошел в туннель, своды которого закруглялись на высоте тридцати метров. Жан увидел ряд толстых чугунных труб, подвешенных на железных крюках вдоль стен туннеля; диаметр каждой трубы был свыше полуметра.

— Эти трубы, — объяснил японец, — ведут к нашей центральной фабрике воздуха, посылающей по ним колоссальные массы сжатого воздуха. В шахтах поставлены мощные вентиляторы, а оригинальная система труб позволяет нам посылать потоки свежего воздуха в самые отдаленные и глубокие уголки нашего подземного царства. Таким же способом мы охлаждаем галереи, где температура слишком высока. Сейчас мы подъезжаем к центральной группе фабрик.

Поезд вылетел на огромную площадь среди зданий фабричного типа, высеченных в скале. Жана ос-

лепил яркий электрический свет и оглушил грохот машин.

Пять галерей звездой расходились с площади.

По каждой из них тянулись две колеи железнодорожного полотна и сеть чугунных труб. Сложная система вертикальных и горизонтальных лифтов грузила и разгружала прибывающие и отходящие поезда.

Жан удивился, не видя над фабриками обычных труб.

— Мы работаем на белом угле, — ответил проводник на его недоуменный вопрос. — Здесь все приводится в действие электричеством.

— Вы используете силу найденных потоков?

Японец улыбнулся.

— Мы не нашли их, а создали; и они неистощимы... почти. Мы не можем терпеть дыма здесь, где и так приходится искусственно улучшать атмосферу. Но наш поезд отходит. Давайте садиться. Сейчас мы поедем к главным складам. Там я смогу, наконец, объяснить вам цель, которую мы преследуем.

Они пересели в другой вагон, и снова перед глазами Жана замелькали однообразные километры галерей.

Каждую минуту попадались встречные поезда, нагруженные обломками. При виде их молодой человек подумал о том, какое невероятное количество камней и земли надо было вывезти, чтобы пробить эти бесконечные туннели.

— И все это идет наверх? — спросил он.

— Да, поднимается наверх и спускается в океан, — ответил проводник. — Пока мы ведем работу в этой и других шахтах, обломки образуют новый барьер вокруг острова Иезо, потом сливаются с ним. За короткое время территория острова увеличилась вдвое.

В эту минуту мимо них медленно прошел поезд. Он вез груды обнаженных желтых тел.

— Трупы, — холодно заметил японец. — Под землей часто умирают. Среди рабочих дальних шахт смертность колоссальная. Только принеся в жертву миллионы жизней, сумели мы реализовать это великое дело. Вот причина обезлюдения Азии. Нам нужны работники, много работников.

Жан хмуро провожал глазами поезд мертвецов.

— Но зачем, зачем? — пробормотал он.

— Вы узнаете. Какой народ сделал больше для мирового благополучия, чем Япония? Там, наверху, было слишком много народу, мы расчистили место, — добавил японец с жесткой улыбкой. — И мы будем продолжать, — закончил он.

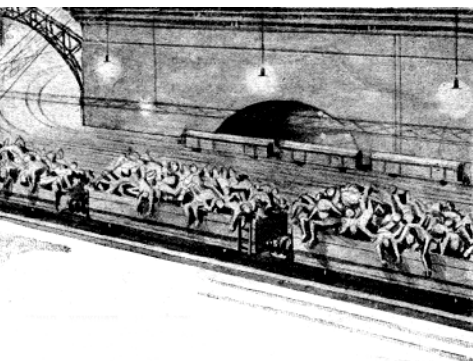
— Сколько трупов! — бормотал подавленный Жан. — Что вы с ними делаете?

— Их сжигают, — ответил японец. — Мы только что проехали мимо группы крематориев.

Часы тянулись, как блестящие колеи рельс за поездом. Японец предоставил своего спутника его печальным мыслям. Кругом было довольно тихо, мирно постукивали колеса, и лишь иногда с грохотом пролетал встречный поезд.

Потом послышался отдаленный шум, все усиливающийся по мере приближения. Показались сооружения из бетона и железа. Туннель вдруг расширился, и показались группы зданий. Они образовали ряд улиц, по которым мчались поезда.

Это был настоящий город. Улицы кишели людьми, которые торопливо шныряли по тротуарам, входили в дома, выходили.

Очарованный этим зрелищем, молодой француз не обратил внимания на усиливающуюся жару, которая стала вскоре непереносимой.

На площади поезд остановился, и Жан вместе с проводником сошли.

— Здесь мы остановимся и переночуем, — сказал японец. — Наверху теперь ночь, хотя вы этого и не замечаете. Наше путешествие продлится несколько дней.

Они шли по странным улицам. Жан, непривыкший к этой атмосфере, тяжело дышал. Японец заметил это.

— Внутри дома вы будете чувствовать себя лучше, — заметил он. — Высшие служащие имеют комфортабельные жилища, снабжаемые кислородом, и в них температура поддерживается на нормальном уровне.

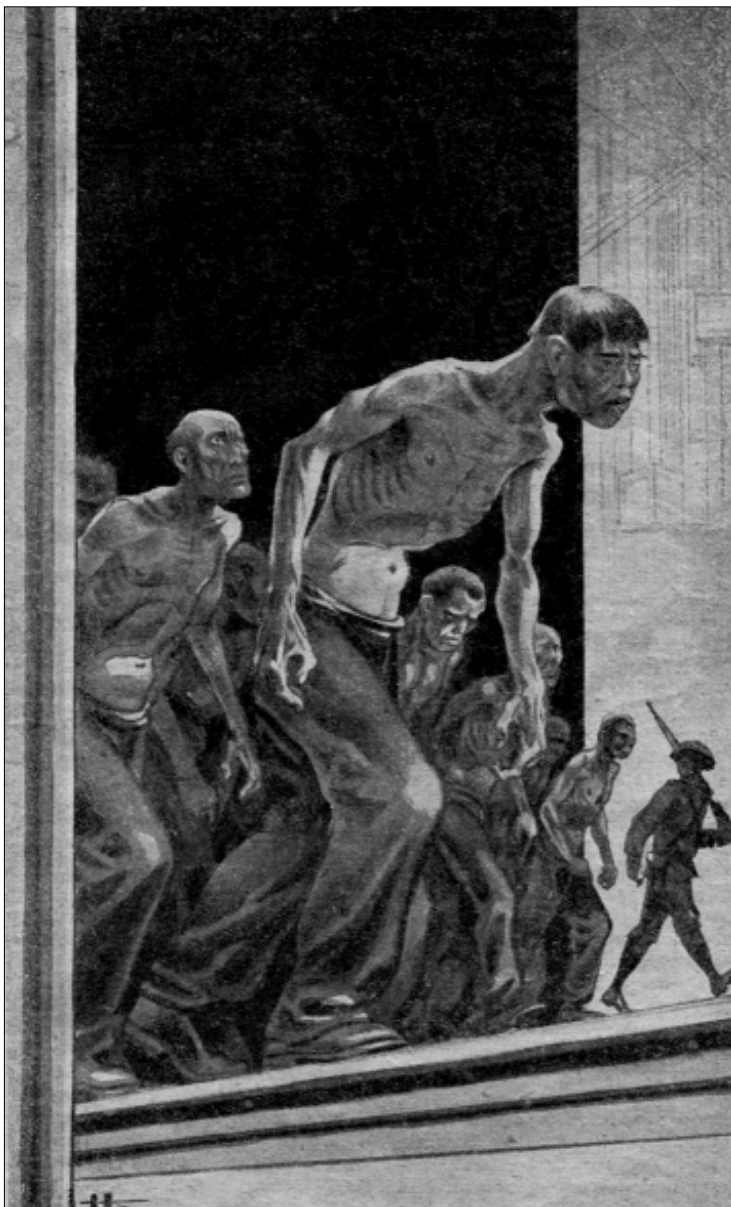
Действительно, дом показался Жану воплощением комфорта после всего того, что он видел в этом подземном царстве. Короткий отдых восстановил его силы, в нем снова проснулась любознательность и он захотел осмотреть город.

Он поразился при виде ужасной внешности подземных жителей. На всех было какое-то клеймо смерти: одни были худы, как скелеты, у других был совсем трупный вид.

— Они похожи на приговоренных к казни, — пробормотал молодой дипломат.

— Они, действительно, приговоренные, — криво усмехнулся его спутник. — Из всех этих людей едва ли ничтожные единицы снова увидят дневной свет. Остальные так или иначе погибнут здесь. Необходимость охранять тайну наших работ заставила нас ввести суровые правила.

— И они знают это?

На них было какое-то клеймо смерти...

— Они видят, что никто живым отсюда не выходит. Одни умирают, на их место приходят новые. Это неотвратимо.

— И они не восстают?

— Иногда случаются вспышки возмущения, но наши войска расстреливают в этих случаях несколько десятков зачинщиков, и на пару недель спокойствие восстанавливается.

Наутро путешествие началось снова. Вид бесконечных унылых коридоров действовал угнетающе, редкие города напоминали об ужасной судьбе миллионов рабов.

Жан собрал все силы, чтобы не закричать от ужаса перед этими мрачными туннелями, каждый метр которых стоил человеческой жизни.

Наконец, на восьмой день поезд остановился около гигантского колодца, казалось, уходившего в самые недра земли.

Наверху свод образовал гигантский четырехугольный купол, диаметром около километра и высотой в несколько сот метров. Стены, поддерживающие купол, испещренные балкончиками и висячими галереями, соединялись подвесными мостками, на которых кишел человеческий муравейник. Сверла и электрические буры, подвешенные над бездной, без усталости сверлили потолок.

— Эта бездна доходит до центрального огня, до расплавленного земного ядра, — сказал японец. — Это одна из естественных трещин, способствующих остыванию земли. Тысячи людей пробовали опускаться в нее, и девять десятых из них погибли. Но оставшие-

ся произвели важнейшие для нашего дела наблюдения.

— И это дело...

— Это тайна Японии. Но для вас она перестанет быть тайной. Заметьте, что этот свод имеет свыше километра в длину и точно совпадает с размерами провала, ведущего к центру земли. Мы находимся сейчас на пятьсот метров под дном глубины Тускакора, одного из самых глубоких мест океана: шесть тысяч метров, это серьезная глубина! Не догадываетесь ли вы теперь, что делают эти люди?

Жан с ужасом смотрел на него. Станный проводник улыбнулся.

— Они готовят брешь, через которую Тихий океан уйдет в недра земли. Они хотят осушить океан.

9. Тайна Японии.

Осушить океан! Жан окаменел.

Он закрыл глаза, точно очутившись на краю бездны. Грандиозность замысла привела его в ужас. Он не поверил. Он решил, что это бред сумасшедшего.

— Невозможно! — воскликнул он.

— Вы не верите? Пойдемте к человеку, который составил этот проект. Он вам приведет цифры и убедит, что нет ничего невозможного для человеческого гения.

Под двойным стальным канатом у края бездны болталась в воздухе вагонетка.

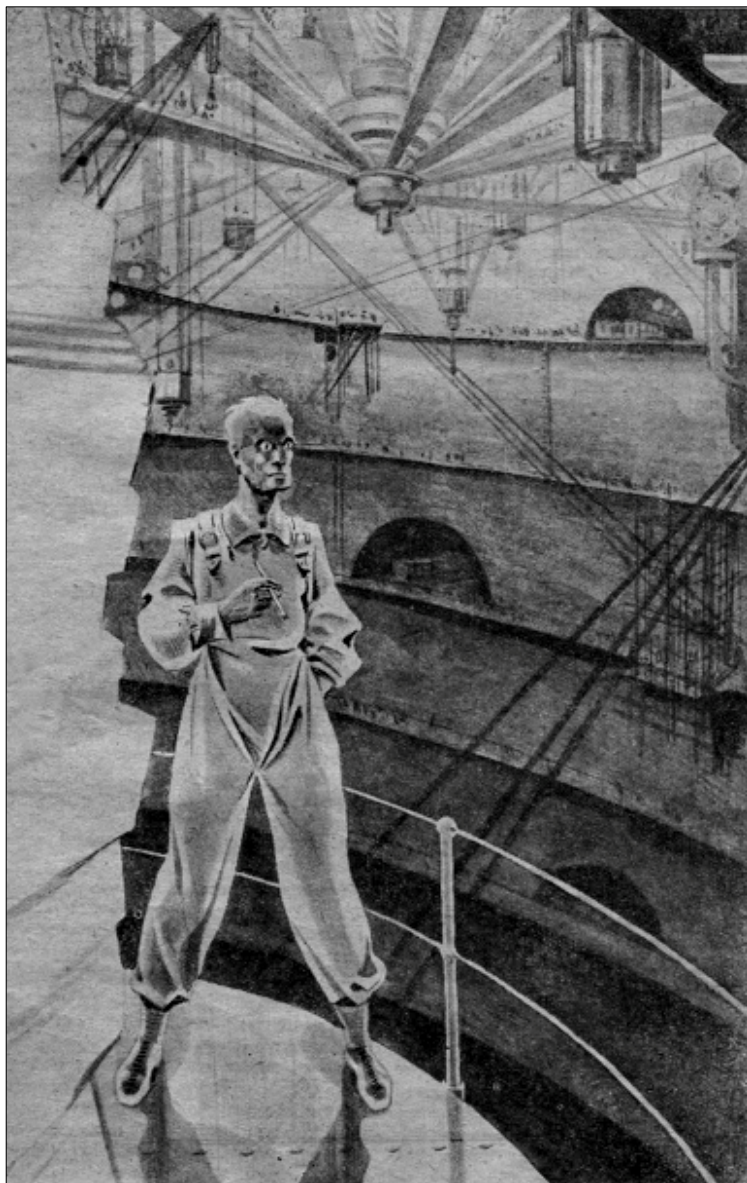
— Сядем сюда, — предложил японец. — Это довольно примитивный способ подъема, но все же достаточно удобный. Он доставит нас под купол.

Вагонетка поднялась вверх, визг и скрежет электрических буравов раздавался над самой их головой.

Рабочие подхватили вагонетку, и проводник предложил Жану выйти. Избегая смотреть вниз, они медленно двинулись по дощатому мостику.

На некотором расстоянии от них начинался довольно широкий коридор, высверленный в скале. Он заканчивался обширной пещерой, где над освещенными электричеством столами склонились люди. Среди них жестикулировал высокий, худой человек, одетый в рабочий костюм из коричневого вельвета.

— Вот один из членов бюро руководителей, технический директор всего предприятия, — сказал японец. — Он — американец, единственный, кроме вас, белый во всем подземном царстве; это организатор всего дела, гений, которого Япония сумела использовать.

Мистер Биг.

Японец подошел к янки.

— К вам посетитель, мистер Биг, — сказал он. — Молодой француз, о котором я вам говорил.

И обернувшись к Жану, представил ему американца.

— Мистер Биг, наш инженер, который посвятил себя нашему делу и тридцать лет не видел солнца.

— С меня достаточно и электричества, — ответил странный инженер. — Рад вас видеть, мосье. Если я вам нравлюсь, пожмем друг другу руки и покончим с формальностями.

— Я в восторге от встречи с вами, — пробормотал Жан.

— Ладно. И вы попали в эту чертову дыру? Ах, как безрассудна молодость!

Японец скорчил гримасу.

— Мосье д'Антрево не верит, что вы можете осушить океан.

Инженер рассмеялся.

— С первого взгляда это кажется, конечно, вздором. Но присмотревшись, можно и поверить. Общая поверхность океанов равна, приблизительно, тремстам семидесяти миллионам квадратных километров. Взяв за среднюю глубину четыре тысячи метров, мы получим массу воды в тысячу пятьсот квадриллионов кубических метров, которую нужно разместить в недрах земли.

— Но земля же не пустая внутри? — вскричал Жан.

— Спокойно! Конечно, не пустая. Внутри земного шара находится смесь земли и металла, окружающая раскаленную массу. Но, охлаждаясь, тела сжимаются. На этом факте и строится весь мой расчет. Остывшие массы занимают меньший объем, чем расплавленные. Совершенно логично предположить, что в недрах земли существует большое количество пещер, впадин, сло-

вом, свободных помещений, из которых некоторые достигают центрального расплавленного ядра.

— Одну из таких расщелин вы и видите, — вмешался японец.

— Эти расщелины и пещеры, — продолжал американец, — образуют огромные пустоты, куда можно спустить массу воды.

— Но тогда необходимо соединение между всеми подземными помещениями.

— Именно. Но это дьявольски сложная работа: найти их все, соединить между собой и с дном океана. К счастью, это нам не нужно. Если поток воды не сможет разместиться в предоставленной ему подземной квартире, достаточно прорыть небольшой ход к центральному огню...

— Но вода его потушит.

— Вздор! Она достигнет его лишь в виде пара.

— И этот пар...

— А это дело вулканов! — захохотал мистер Биг, и глаза его странно сверкнули.

— А, черт! — продолжал он, — эта перспектива обещает потухшим от безделья беднякам некоторый период новой жизни. Но они привыкли к таким вещам. Все извержения не что иное, как результат проникновения морской воды в земные недра. Это будет немного посерьезнее, только и всего.

В тоне инженера Жан прочел какую-то затаенную угрозу.

— Вернемся к нашей задаче, — продолжал инженер, — в общем, для ее разрешения достаточно открыть сток для вод в дне океана. Практически, для осушения океанов, в виду разности глубин, потребуется целый ряд брешей в самых глубоких местах. Это заставило бы нас всковырять полмира, и мы отказались от этого плана. Мы не собираемся осушать все океа-

ны; мы уберем только две трети их. Таким образом, нам остается убрать всего миллион триллионов кубических метров воды. Мы пробрили в почве острова Иезо четырнадцать колодцев-шахт того типа, что вы видели. В тот день, когда работа будет окончена, я нажму несколько кнопок и открою в дне океана семьдесят трапов, куда хлынут воды океанов. Эта пещера, где помещается мой главный штаб, находится под самым глубоким местом океана; здесь заложена главная мина, которая взорвет Тускарору, имеющую в этом месте пять с половиной тысяч метров глубины. Видимо, все-таки нам не удастся осушить всю Тускарору, которая порой доходит до восьми тысяч метров; ну, что ж, у нас будет небольшое запасное озеро. Надо же оставить немного воды для рыб.

И снова усмехнулся странный инженер.

Жан молчал, и янки заговорил снова:

— А знаете, сколько времени продлится моя маленькая операция? Двадцать три дня! Ни часу больше. Ровно двадцать три дня с той минуты, как я открою шлюзы. Разумеется, тут могут быть разные приходящие обстоятельства, которые сейчас трудно учесть. Но, так или иначе, океан уйдет под землю и покажет свое дно.

— Предположим, — возразил Жан. — Ну, вот, океан высох. Зачем это нужно?

— Слово принадлежит господину, — оскалился инженер, насмешливо указывая на японца.

Тот улыбнулся.

— Разве вы не понимаете? Я же вам говорил, что там наверху для людей не хватает места. На земле слишком много безработных и слишком много умирающих с голоду. Необходимы новые свежие пространства для колонизации. Это необходимо не только для того, чтобы предотвратить революцию, заняв сво-

бодные руки и вдохнув новые надежды в сердца отчаявшихся; это необходимо еще для того, чтобы мировое богатство не стабилизировалось в худшем смысле этого слова, чтобы не прекращалось поступательное движение культуры. Мы же дадим земле новые громадные материки. Какие огромные новые возможности расселения! Какие богатства скрыты в недрах новых земель! Вообразите только новую жизнь, которая начнется здесь.

В глазах японца сверкал энтузиазм.

— Не все увидят это, — вздохнул француз.

Глаза японца метнули молнию.

— Нет, — оскалился он. — Многие падут жертвами за новую, лучшую жизнь, будут вольные и невольные мученики. Если твердые породы не поддадутся действию взрыва, понадобятся люди, чтобы просверлить их. Те, кто останутся до этой минуты, не смогут спастись.

— И вы хладнокровно решитесь на такую жертву?

— Так будет. Так должно быть! — твердо ответил японец. — Тот, кто обречен, не выйдет отсюда. А некоторых из них тоже ждут невесты, Жан д'Антрево.

Молодой человек вздрогнул.

— Невесты? — растерянно повторил он.

Он вспомнил о Сюзанне.

Но при чем тут этот японец?

— Вы никогда не выйдете отсюда, Жан д'Антрево! Вы умрете здесь и никогда не увидите больше дневного света.

Жан яростно сжал кулаки.

— Кто это сказал?

— Господин.

— Но кто это? Что я ему сделал?

— Что ты ему сделал? — глаза японца вспыхнули.

— Ты все поймешь, если я скажу его имя.

— Его имя?

— Кацуга.

Жан побагровел.

— Где он?

Японец презрительно скривил губы.

— Это я.

— Ты?!..

Жан бросился на него, но двое японцев крепко схватили его за руки. В следующую минуту Кацуга исчез.

В отчаянии Жан опустился на землю и закрыл лицо руками.

Мистер Биг, неодобрительно наблюдавший за происходившим, подошел к нему.

— Черт побери! — сказал он. — Этот Кацуга — последний негодяй. Жаль, что я не всадил ему пулю в башку. Но к чему? Все равно ничем не поможешь.

Потом он поднял Жана и пожал ему руку.

— Мужайтесь, мальчик мой! — воскликнул он. — Не все ли равно, где умереть, если подпрыгнет вся наша планета?

10. Катастрофа.

Мистер Биг был, несомненно, человек весьма знающий, в своем роде гениальный. Жан инстинктивно чувствовал, что ему можно верить.

Почему же он произнес такую странную фразу:

— Подпрыгнет вся наша планета?..

Почему он сказал это только после ухода Кацуги?

Жан нашел в себе силы спросить:

— Что вы хотите этим сказать?

— Что совершенно безразлично, где быть — наверху или внизу — в тот день, когда мы пробьем дно океана. Неужели вы думаете, что хватит на свете вулканов, чтобы выбросить наружу грандиозные массы пара, которые получатся в результате нашей операции? Вся планета подскочит, потому что никакие стены, будь они в сто раз толще земной коры, не выдержат подобного давления. Океан, ворвавшийся в центр земли в область вечно-кипящей массы, произведет эффект факела, брошенного в пороховой склад.

— Но вы говорили Кацуге...

— Я говорил ему то же самое, что говорил тридцать лет подряд; что он делает замечательное дело, что это гениальная попытка, чудесный проект, достойный японских мозгов. Но правда в том, что он меня обокрал, он меня эксплуатирует и не задумается прикончить меня, если я пожелаю уйти отсюда; а я его заставаю верить в свой проект, не раскрывая всех карт. А мой проект отличается от его. Весь мир в порошок! Земля вдребезги! Все эти идиотские создания во главе с человеком будут превращены в ничто, без надежды на возрождение. Я очаровал желтого дьявола и до-

бился от Японии нужных мне миллиардов золота и миллионов жизней, а они думают, что я работаю на них. Идиоты!

Это говорил сумасшедший, безумец, но безумец, способный осуществить свои бредовые идеи. Жан видел это. Американец сделал ему свои страшные признания, чтобы утешить его, показав бесполезность борьбы. Раз ни один человек не спасется, о чем, собственно, жалеть? И сверху и снизу смотрела смерть.

Жан бродил по пещере в каком-то отупении.

Сперва он возмущался, мечтал о побеге, готов был даже попасть под выстрелы стражи, лишь бы сбросить этот гнетущий кошмар.

Но скоро он сознался в своем бессилии и блуждал по галерее, неизменно упираясь в глухие тупики, искал случайного выхода и не находил его. Он машинально ел, пил и спал, и все думал о том, что делается там, наверху.

Одна из боковых пещер была пустая и темная. Здесь жил инженер Биг, здесь можно было укрыться от визга буравов и беспощадного электрического света. Большинство времени Жан проводил в ней.

Инженер относился к Жану с грубоватой симпатией и пригласил его жить вместе с ним.

На смену ежедневно умиравшим рабочим, поезда подвозили к краю бездны все новые и новые полки рекрутов. Жан ежедневно наблюдал за их прибытием.

Однажды, когда Жан уныло сидел на обломке скалы у провала и наблюдал за прибытием нового транспорта, он увидел, как один китаец гигантского роста отделился от группы прибывших и побежал по мосткам к нему, крича:

— Мосье! Вот вы где, мосье!..

Японская стража хотела его задержать, но один из начальников что-то крикнул, и японцы отступили.

— Гайеду! — воскликнул Жан, узнавший, несмотря на грим, в этом китайце своего слугу.

Он посвятил Гайеду в курс событий, рассказал про угрозы Кацуги и о том, что их ожидает.

Прошло еще несколько дней, унылых, похожих один на другой, посвященных бесполезным скитаниям между пещерой и провалом.

Работы, видимо, подвигались к концу.

Мало-помалу тысячи рабочих, работавших на подвесных мостиках, сводились вниз, к краю бездны и поезда увозили их.

Однажды утром французы не слышали больше воя машин. Под куполом не было ни души.

С Жаном и Гайеду остались только мистер Биг и несколько японцев. В пещере царила непривычная тишина.

Инженер вызвал французов в галерею.

У него был сияющий вид и он энергично потирал руки:

— Алло, ребята! Это будет сегодня.

Жан побледнел.

— Вы взорвете дно?

— Обязательно! Здесь вы будете сидеть, как в ложе, и наблюдать кончину мира. У нас будет время насладиться зрелищем прежде, чем все полетит к чертям. Право, это будет замечательный спектакль, какого еще не видели со времени старика Ноя.

— Я не хочу умирать здесь, — простонал Жан.

— Э, бросьте, мальчик. Не падайте духом, ваши братья наверху тоже передохнут. Мы умрем здесь, зная и видя все, а они умрут глупо, как клопы в свечке.

Но Жан не слушал его.

— Не хочу! Не хочу умирать! — кричал он. — Нельзя ждать этого хладнокровно. Гайеду, бежим!

И он бросился вдоль по галерее. Мистер Биг не тронулся с места. Подбежав к краю бездны, Жан вскрикнул: японцы стояли на другом краю пропасти и уничтожали остатки мостика.

Белые были заперты в галерее с пещерой.

Наверху копошились фигурки. Это японцы в последний раз проверяли соединение электрических проводов с миной, которая должна взорвать купол. Смертельный ужас объял французов. Позади них раздался голос инженера.

— Не сходите с ума, дети! Умереть вовсе не так страшно. Лучше полюбуйтесь напоследок моим фейерверком.

— Готово там, наверху? — раздался громкий голос инженера.

И в ответ раздался хор десяти голосов:

— Мы готовы!

— Начинаем.

Секунда страшного ожидания. Потом — взрыв. Сверкнула молния, раскат грома разорвал настороженную тишину. Купол треснул, разлетелся на сотню кусков и полетел в бездну.

Страшный поток воды хлынул в образовавшуюся брешь.

Жан и Гайеду всплеснули руками, точно пытаясь отстранить надвигающуюся гибель.

Американец, сверкая глазами, безумно кричал, стараясь покрыть страшный шум водопада.

В этот же момент послышался дикий свист, поток воздуха втолкнул их в глубь галереи, опрокинул и разбросал по каменному полу.

11. На новой земле.

Кацуга, выйдя из шахты, в глубине которой он оставил Жана д'Антрево, отправился в Америку. Надо было сделать много приготовлений, надо было согласовать работу союзников и заранее разделить сферы действий.

Раньше всего надо было захватить новые земли и организовать там жизнь, придать им ценность. На новых материках должны были подняться города, получающие все из метрополии в долг, в счет будущих своих богатств.

Все это дело необходимо было провести чрезвычайно быстро. Надо было захватить лучшие куски, прежде чем остальные народы устремятся на новые земли. И план был найден. Япония уже сделала необходимые приготовления, и Кацуга приехал сообщить об этом союзникам.

Вечером того дня, когда он прибыл в Америку, морское министерство объявило мобилизацию флота, и через несколько дней дредноуты и крейсера, сопровождаемые отрядами более мелких судов, отплыли из различных портов по неизвестному направлению.

Все совершалось в полнейшей тайне. Каждый командир судна вез с собой запечатанный приказ, который должен был вскрыть лишь в открытом море. Только тогда он мог узнать точное место, куда должен был плыть его корабль.

Эти точно намеченные пункты были предложены Кацугой.

По его плану нужно было рассеять по всему пространству Тихого океана японский и американский

флоты таким образом, чтобы к моменту ухода воды, корабли, находящиеся на определенной дистанции друг от друга, образовали тройную цепь между американским континентом и японскими островами.

Таков был японский план.

Однако, таинственное отплытие могучей армады, для которой были мобилизованы все без исключения пароходы и даже яхты и рыбачьи суда, не могло не возбудить всеобщей тревоги. Начали усиленно распространяться слухи о войне с Европой. Последняя лихо радочно вооружалась, собирала свои рассеянные по всем морям корабли для защиты берегов от предполагаемого нападения заокеанских врагов.

Чтобы не попасть между двух огней и не быть втянутыми в вооруженное столкновение, флоты Африки и Океании тоже собрались в своих портах. Весь мир замер, ожидая событий.

Эта повсеместная приостановка морских рейсов была как раз на руку Японии и Америке, очистив им поле действий. Кроме того, это великолепно маскировало их истинные намерения.

Они отлично понимали, что когда высохнут океаны, флоты всего мира станут ненужным хламом и могучие сверхдредноуты превратятся в немоцных паралитиков.

И вдруг грянул давно подготовляемый удар. В три недели огромная водная поверхность, покрывавшая две трети земли, исчезла, как по волшебству. Океаны высохли, и только в наиболее глубоких местах образовались соленые озера и миниатюрные замкнутые моря.

С другой стороны, природные возвышенности, вроде Коморской группы островов и Реюньона, превратились в громадные горы. Образовался большой горный массив Мадагаскара и колоссальный австралий-

ский континент, поглотивший Тасманию и Новую Зеландию.

Северная и средняя часть Тихого океана, где находились поглощающие бреши, пробитые японцами, высохли целиком. Обнажилось дно самого глубокого места на земном шаре — Тускарора.

Но все это узнавалось постепенно, много позднее самого события, когда географы обоих полушарий смогли беспрепятственно исследовать новые очертания земли. На следующий день после взрыва, все подумали, что отлив у берегов Европы, Австралии и Африки вызван усиленным прибоем у берегов Америки. И когда на следующий день американское официальное радио не без сарказма сообщило всему миру истинное положение дел, никто ему не поверил.

Однако, уже через неделю стало очевидно, что американцы правы. Океаны исчезли, материки изменили свои очертания. Начиналась новая эра в жизни земли. Кацуга торжествовал. Однако, одно обстоятельство заставляло его тревожиться, и с каждым днем он волновался все больше. Япония не отвечала на вызовы по радио. Радиogramмы со всех пунктов земного шара сообщали об усилении вулканической деятельности. Проснулись кратеры вулканов, потухших много веков тому назад, разверзались новые бездны и с небывалой яростью выбрасывали потоки лавы.

Все это заставляло Кацугу стремиться в Токио. Но как туда попасть? Морского сообщения более не существовало, и оставался единственный путь — по воздуху.

Ранним утром с аэродрома Сан-Франциско поднялся аэроплан. Оторвавшись от земли, он сделал круг над городом и взял курс на запад. Доктор Кацуга покинул Америку.

В тот момент, когда Кацуга начинал свой полет в Японию, около одного из крейсеров, стоявшего на дне Тихого океана на полдороге между американским берегом и новой границей с Японией, показалась группа измученных людей. Это были Джим Санди с семьей и команда яхты, три дня назад покинувшие остатки своего корабля и бродившие с тех пор по вязкому дну океана в поисках помощи.

12. Три недели агонии.

Поток воздуха, сбивший с ног трех свидетелей страшного взрыва, пронесся, не причинив им особого вреда. Гайеду первым пришел в сознание. Кругом была абсолютная темнота.

— А ведь я еще не умер, — пробормотал он, — впрочем, это только начало, дальше будет хуже.

Он ощущал себя: все тело болело и ныло, на лбу красовалась огромная ссадина.

Падение воды продолжалось; гул ее наполнял галерею.

Вдруг рядом с собой Гайеду услышал жалобный стон.

Быстро ощутив руками пол туннеля вокруг себя, он наткнулся на тело.

— Это вы, мосье? — вскричал он.

Ему ответил тихий стон:

— Гайеду... мы еще живы?

— По-видимому, мосье, раз можем говорить...

— А мистер Биг?

— Сейчас поищу.

Оба француза ползком направились внутрь галереи. Вскоре они наткнулись на тело инженера.

Ему пришлось хуже, чем им. Поток воздуха его ударило головой о каменную стену, и потребовалось немало времени, чтобы привести его в чувство.

Наконец, он застонал и пришел в себя:

— Алло, ребята, что тут случилось? — воскликнул он. — Машина отказалась работать?

— Брешь пробита, — ответил Жан. — Разве вы не слышите шум водопада?

— Так значит, мир не полетел к чертям? Планетка наша еще вертится?

— Пока вертится, — не удержался от улыбки Жан.

Глубокое разочарование инженера было комично.

— Может быть, вода еще не добралась до центральной кочегарки? Тогда мы еще попрыгаем.

— Веселенькая перспектива, — пробормотал Гайеду.

Пробормотав что-то непонятное, янки пошел в глубь галереи, в пещеру, и через минуту там вспыхнул огонек.

Держа в руке электрический фонарик, инженер прошел мимо французов к выходу из галереи.

Французы видели, как он стал на четвереньках приближаться к водяной стене, толкая что-то перед собой.

Слабый свет фонарика не позволял им рассмотреть, что он делает. Но вдруг их уши, уже привыкшие к монотонному гулу водопада, различили новый звук.

Инженер вскочил с радостным криком и побежал обратно в боковую пещеру.

Неожиданно вспыхнул яркий свет, и Жан с недоумением увидел, что вдоль стены тянется провод, к которому подвешен ряд электрических ламп. Гайеду радостно воскликнул:

— Вот это великолепно! Умирать, так при свете!

Инженер довольно потирал руки.

— Я принял кой-какие меры предосторожности, — заявил он. — Взрыв заставляет себя ждать. Я это предполагал. Но все-таки я не думаю, что все пойдет и дальше так же тихо и мирно. Что ж, подождем светопреставления. Пещера наша крепкая, и мы дождемся начала спектакля.

— Но как вы...

— Осветил галерею? Чепуха! — захохотал Биг. — Перед нами водопад, и я использовал его силу. Все бы-

ло подготовлено заранее, и моя электростанция была готова к работе.

— Припасов нам хватит месяца на три, если не больше, — продолжал американец. — Да и напитки имеются. Я не сторонник сухого режима. Мы будем дышать не отвратительным спертым воздухом, а чистым, нормального состава. Видите машинку в углу? Это ее работа. Она питается углекислотой и производит воздух. Своего рода механическое растение. Мы выдержим до конца, ребята!

Он взглянул на часы и помрачнел.

— Я сейчас займусь кой-какими вычислениями, чтобы посмотреть, чего нам следует ожидать. Вода должна была уже достигнуть центра.

— Вы уверены, что произойдет катастрофа? — робко спросил Жан.

Американец яростно сверкнул глазами.

— Уверен? Разве можно быть уверенным в чем бы то ни было? Мое мнение, что все это кончится катастрофой.

— Ну, а если взрыва не будет, что тогда произойдет?

— Видите ли, у нас есть несколько возможностей погибнуть. Когда океан опорожнится, поток, уменьшаясь, зальет нас. Мы потонем, как крысы. Другой случай: пар под большим давлением идет снизу, вытесняя воду, несет с собой газы, заполняет все ходы и наносит и нам маленький визит до выхода наружу. От чего вы предпочитаете умереть: от воды, от ожогов пара или от ядовитых газов?

— Значит...

— Ничего не значит, — перебил инженер. — Я просто перебираю возможности. С уходом воды, мы очутимся в темноте. Нет воды, стоит турбина, нет света.

Представляете себе всю прелесть существования в темной пещере?

— Но мы увидим небо. Раз вода уйдет, мы увидим дневной свет и довольно близко.

— Но не сможем до него добраться. Два месяца вы сможете смотреть в окошко, а потом придется умирать от голода. Хотя я все же надеюсь, что мы выпрыгнем, если, конечно, нас раньше не зальет, не зажарит и не задушит.

И мистер Биг пошел слушать шум водопада.

Появилась новая надежда. Однообразное существование в пещере не казалось таким безрадостным. Это было тюремное заключение в достаточно просторной и удобной камере.

Прошло несколько дней. Вода наконец начала замедлять падение. Предсказание инженера начало оправдываться. Шум стал затихать.

Но это почти беззвучное падение воды было еще страшнее.

Проснувшись однажды утром, затворники увидели, что галерея залита водой.

— Это конец? — спросил Жан и прибавил: — Но вода как будто не прибывает?

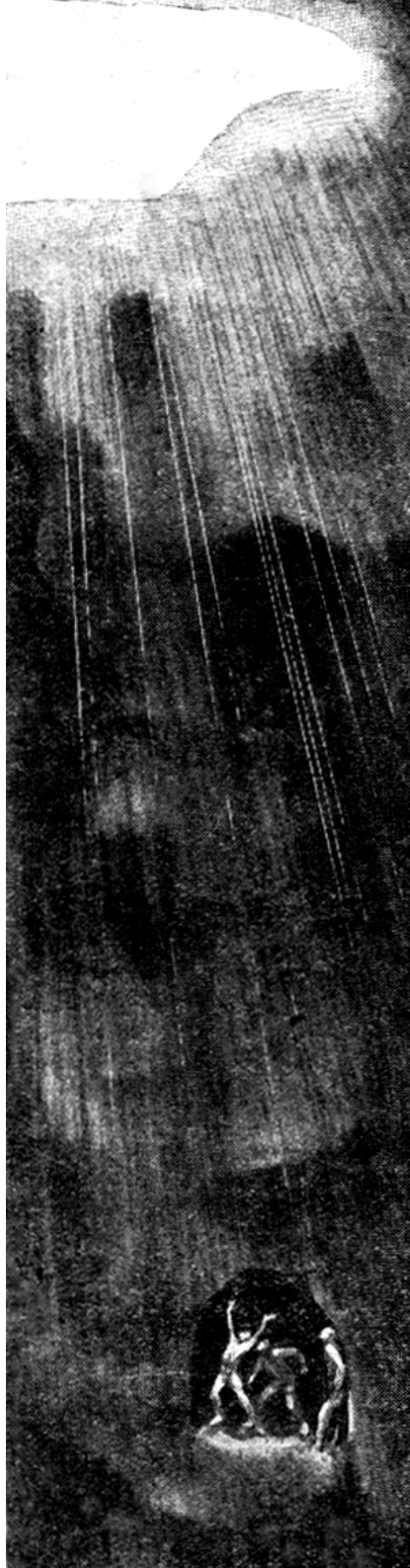
— Так и должно быть, — откликнулся инженер. — Пол галереи повышается к пещере. Вода не пойдет дальше: ей мешает сопротивление сжатого воздуха. Мы очутились в водолазном колоколе.

— Но что будет, когда поток схлынет и очистит доступ притоку свежего воздуха?

— Да вода попросту уйдет. Раз отступив, она не вернется.

События вскоре подтвердили его слова. Пещера оставалась сухой, и вода начала медленно спадать.

*Невысоко над
ними зияла
брешь купола.*

Тогда потускнел свет электричества.

— Ток слабеет, — сказал инженер. — Вот когда начинается неприятность.

— Пойдем и посмотрим на небо! — воскликнул Жан.

Все бросились к выходу из галереи.

Жан радостно закричал, и его крик подхватил Гайеду.

Невысоко над ними зияла брешь купола, а над ней — лазурное небо.

Они простирали к нему руки и полной грудью вдыхали воздух, насыщенный йодистыми испарениями и солью. У их ног расстилалось озеро. В центре его был небольшой водоворот, но по краям оно было совершенно спокойно. Его уровень медленно, но непрерывно понижался.

Вода основательно размыва купол, и теперь края его были шире, чем отверстие колодца. Стены, когда-то гладкие, были основательно разворочены, испещрены трещинами и глубокими выбоинами.

Жан с надеждой всматривался в стены. Ведь только десять метров неровной, почти отвесной поверхности отделяли их от солнца, от жизни.

— Можно бы... — начал он

— ... попробовать... — подхватил инженер.

— ... взобраться! — закончил Гайеду.

У всех голова закружилась от волнения.

— Нет ли у вас кирки? — решительно спросил Гайеду. — Я — того... полезу...

— Свалитесь!

— Не свалюсь!

— Свалитесь, чудака-человек!

— Ну, и наплевать! А не свалюсь, вас вытащу. Да чем я рискую?

Жан и Гайеду атаковали инженера, и он сдался.

— Ладно, но киркой тут ничего не сделаешь. Нужна система. Время у нас есть, провизия тоже. Я вам покажу, на что способен инженер-янки. Если не боитесь работы, вырубим здесь лестницу и поднимем с собой кой-какие инструменты и провизию. Почем мы знаем, что вас ждет наверху?

Работали с энтузиазмом. Три дня ушло, чтобы вырубить первые четыре гигантских грубых ступени. Работали по ночам при свете горелок, сооруженных американцем из тряпок и виски. Пришлось закладывать ряд мин и взрывать их, причем не всегда взрывы бывали удачны; иногда они губили труд целого дня.

Наконец, была вырублена двенадцатая ступень. Больше не требовалось. Дальше была земля.

Был уже вечер, когда они, нагруженные провиантом, шатаясь, выбрались на подсохшую почву.

Вокруг было почти темно, но вдалеке чернела какая-то быстро удалявшаяся точка.

— Аэроплан! — воскликнул инженер.

— Не может быть! — возразил Жан,

— Верно, мосье, — поддержал Гайеду. — Ведь если желтые осушили океан, то не для смеху же только. Вот теперь их аэропланы и носятся здесь.

— Так надо звать на помощь!

— Стоп! — вмешался инженер. — Если это японцы, то лучше помолчать. Ведь Кацуга приговорил нас к смерти. Пойдемте лучше потихоньку. Куда? Да хоть за аэропланом!

И они тронулись в путь.

13. Неожиданная развязка.

Аэроплан доктора Кацуги снизился у крейсера «Огайо», неуклюжей громадой возвышавшегося над илистой равниной. До новой японской границы оставалось еще около тысячи километров, которые Кацуга решил покрыть на гусеничном автомобиле, прекрасно преодолевавшем вязкую почву.

На крейсере японца ждали две новости.

Первая из них заключалась в известии о спасении Джима Санди и его семьи. Сюзанна была жива и только несколько сот километров отделяли японца от крейсера, на котором она находилась.

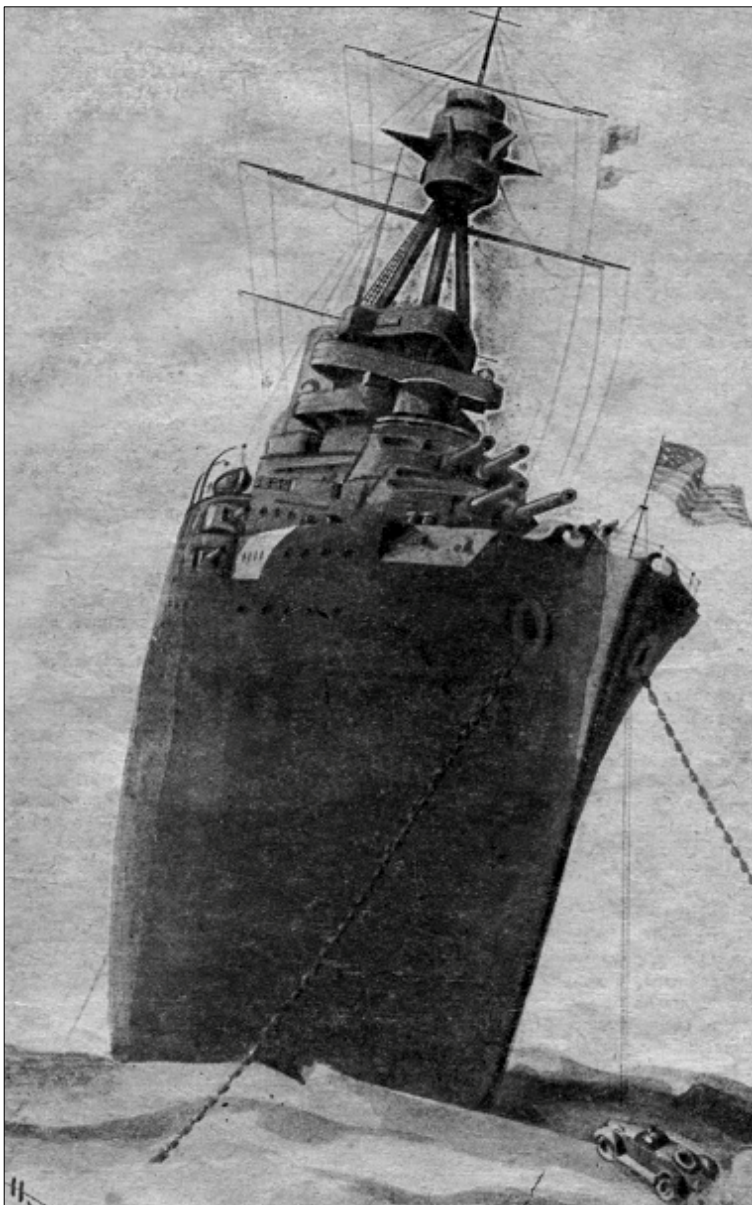
Вторая новость была хуже. На японских островах и в тех местах дна океана, где были пробиты бреши в глубь земли, бушевало невиданное извержение. Всякое сообщение с Японией было прервано.

Кацуга с минуту колебался. Наконец, влечение к родине победило и он приказал приготовить автомобиль.

Перед отъездом японец имел продолжительный разговор с командиром крейсера, результатом которого был обмен шифрованными радиограммами между крейсером и Советом трестов и приказ по радио командиру того крейсера, на котором находилась семья Джима Санди. В тот же день американцам были отведены две лучшие каюты крейсера, но им было сообщено, что они будут задержаны на крейсере впредь до нового приказа Совета трестов.

Кацуга уехал с «Огайо», уверенный, что Сюзанна будет его женой.

Пять дней длилось утомительное путешествие.

*...крейсер «Огайо» неуклюжей громадой возвышался
над илистой равниной.*

На шестой день далекое розовое зарево показалось на горизонте. Потом можно было различить языки пламени, вздымавшиеся высоко к небу. Столбы черного дыма, смешиваясь с облаками, образовали тяжелые черные и рыжие завесы, закрывавшие горизонт. Непрерывно раздавались подземные удары, создававшие впечатление, что путешественники приближались к полю гигантской битвы.

Чем ближе подъезжала машина, тем яснее становилась страшная картина извержения и вызванного им пожара.

Машина остановилась у броненосца в нескольких километрах от пожарища.

Это было последнее звено в цепи кораблей, развернутой между Америкой и Японией.

Кацуга нервно посматривал в сторону пожарища, пока с борта броненосца спускали лестницу.

— Япония? — закричал он, бросаясь к группе офицеров, с биноклями в руках следивших за приближением автомобиля.

Голос его дрожал, может быть, первый раз в жизни.

Один из офицеров махнул рукой в сторону моря огня.

— Больше не существует Японии! — сказал он просто.

Кацуга покачнулся. Япония не существует! Страшный катаклизм, вулканическое извержение, равного которому не знало человечество, в день осушения океана обрушился на острова Ниппон, Иезо, Сикок и сотни мелких островов, когда-то составлявших страну Восходящего Солнца.

Теперь на их месте бушевало огненное море, извергали пламень и лаву десятки разъяренных вулканов, в недра которых проникла вода океанов.

Катастрофа, которую готовил инженер Биг, осуществилась лишь частично. Пары со всей силой бросились в ближайшие вытяжки центрального огня, — группу японских вулканов.

Кацуга окаменел. Все погибло: его гордость, его надежды. Оставалась только Сюзанна, за которую он боролся. Он взял себя в руки и спокойно сказал:

— Япония уничтожена, но она возродится! Америка унаследует все океанские земли. Но договор имеет один пункт, касающийся лично меня. Сдержит ли Америка свое слово?

— Америка заплатит! — ответил толстый джентльмен в штатском. Это был полномочный представитель Совета трестов, человек, имевший право оформить брак Кацуги и Сюзанны.

— Хорошо, — поклонился японец. — Я знал, что в коммерческих делах американцы честны.

— Вы получите плату за комиссию, — холодно сказал янки.

В это время вдали слышалось какое-то странное жужжание.

Неожиданно раздался крик. На палубу вылетел пьяный от возбуждения радиотелеграфист, размахивая бумагой:

— Слушайте! Слушайте! — кричал он.

За бортом слышались отдаленные крики.

К броненосцу мчался автомобиль, в котором стояли пятеро людей, жестикулировали и кричали.

А откуда-то сбоку доносилось жужжание все слышнее и ближе.

Один из офицеров выхватил бумагу у телеграфиста, прочел, побледнел и дрожащими руками протянул ее представителю Совета трестов.

– Америка заплатит!

Тот начал читать вслух.

«Всему миру. Всем странам. Совет трестов низложен восставшими американскими рабочими. Вся власть...»

Он побледнел, как смерть.

— Смотрите! — крикнул кто-то.

Все обернулись на крик.

С запада надвигалась туча. Ее жужжание превратилось теперь в мощный рокот.

Тысячи громадных аэропланов плыли по воздуху, закрывая небо могучими крыльями.

На нижних сторонах крыльев алели пятиконечные красные звезды.

Россия спешила на помощь американской революции. Все стояли, затаив дыхание. Вдруг на борт ворвались Жан и Гайеду. Мистер Биг возился внизу с автомобилем.

Сразу поднялся хаос звуков. Все говорили, кричали вместе. Повалившие на палубу матросы сначала недоверчиво смотрели на группу офицеров, но когда капитан неожиданно обнял ближайшего матроса и пожал ему руку, раздались крики радости.

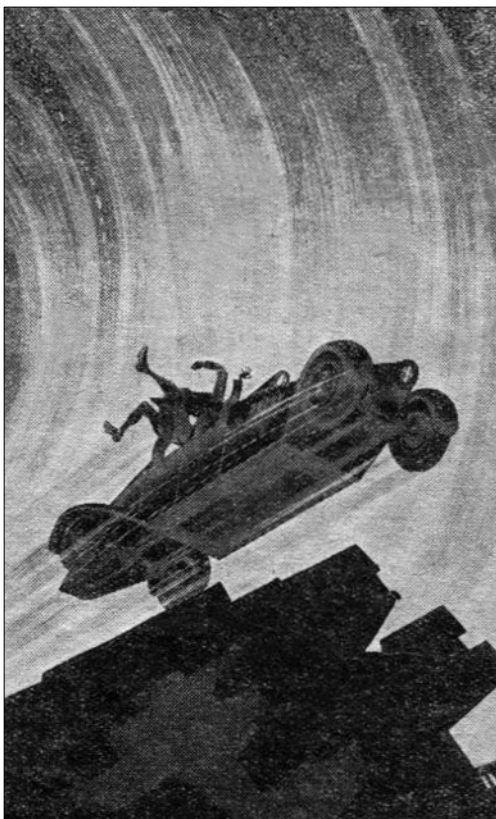
Телеграфиста в подкидывали в воздух.

Воспользовавшись суматохой, Кацуга спустился вниз, к автомобилю.

Жан, нагнувшись через борт, видел, как Кацуга пытался пустить машину в ход, но Биг отстранил его и стал что-то говорить, злорадно показывая в сторону пожара.

С невероятной силой схватил его японец и, бросив в машину, дал полный ход.

Все дальше мчалась машина, полускрытая клубами дыма. Вот, бестолково лавируя между камнями, пролетела она мимо потока дымящейся лавы, и в следующий миг все на палубе броненосца вскрикнули.

Небольшой язык пламени показался там, где была машина, и она исчезла в море огня.

Примечания

Анри-Жан Магог – псевдоним французского писателя Анри-Жоржа Жана (1877-1947), также публиковавшегося под псевдонимами Жан де ла Тардуар и Жан Ноаль. Его перу принадлежит множество фантастических, уголовных и любовных романов, изданных в 1910-х – 1940-х гг.

Настоящий роман выходил в выпусках под общим названием «Невероятные кругосветные приключения жениха и невесты» (1922), а в 1926 г. был объединен в одну книгу, получившую заглавие «Поглотители океана».

Русский перевод (очевидно, идеологически «препарированный») впервые вышел в составе издания: *Борьба миров: Иллюстрированный альманах революционной романтики, приключений и научной фантастики. Приложение к журналу «Вокруг света»*. Книга первая (Л., март 1929). Редакционное предисловие гласило:

«Автор романа “Победители Океанов” А. Магог — сравнительно молодой французский писатель, почти неизвестный в СССР. Им написано несколько научно-фантастических романов, пользующихся во Франции значительным успехом. Темы романов Магога до известной степени напоминают темы произведений Тудуза, известного советскому читателю по нескольким романам, вышедшим на русском языке (“Победители вулканов”, “Человек, укравший Гольфштрем” и др.). Оба автора дают в своих произведениях, часто недостаточно научно-обоснованные, но грандиозные по замыслу научно-фантастические проекты и строят вокруг них легкий занимательный сюжет.

В “Победители Океанов” Магог развертывает один из таких проектов — попытку осушить океаны и тем самым намного увеличить площадь занимаемой и обрабатываемой человеком земли. Действие романа происходит в 1950 году».

Текст в сопровождении оригинальных иллюстраций публикуется по первому изданию с исправлением некоторых опечаток, а также ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.